

Наталья Павлинова

Обыкновенные чудеса

О людях, с которыми уютно, шепоте сердца
и о том, как грейпфрут может изменить жизнь

Наталья Павлинова
Обыкновенные чудеса.
О людях, с которыми
уютно, шепоте сердца
и о том, как грейпфрут
может изменить жизнь
Серия «Секреты счастья (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
<https://litres.ru/69332947>

Обыкновенные чудеса. О людях, с которыми уютно, шепоте сердца и о том, как грейпфрут может изменить жизнь: Издательство АСТ; М., 2023
ISBN 978-5-17-156497-1

Аннотация

<р>Мир кажется мрачным и озлобленным, в людях видится только плохое, а будущее вообще выглядит беспросветным? Не спешите разочаровываться в жизни. Может, просто стоит взглянуть на все под другим углом?**</р>** **<р>**Книга «Обыкновенные чудеса» растопит даже самые холодные сердца. Поможет избавиться от грусти, раздражительности, тревоги, взглянуть на мир с любовью и любопытством.**</р>** **<р>**Вы

узнаете, насколько обманчиво может быть первое впечатление. Почему загадка старого маяка начинается с охапки белоснежных полевых цветов. Как облезлый кот завоевал сердце Маркизы. И неужели жизнь может измениться из-за обычного грейпфрута.</p><p>Книга, которая наполняет верой в людей и доказывает, что на чаше весов доброе и светлое всегда перевешивает дурное. А еще учит видеть чудеса и маленькие радости, ведь именно из них строится наше большое счастье.</p>

Содержание

Вступление	6
Горечь удалить	9
Свекровь тебе – не мама	20
Доехать до бабушки	30
Дорога домой	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Наталья Александровна
Павлинова**

Обыкновенные чудеса.

**О людях, с которыми
уютно, шепоте сердца
и о том, как грейпфрут
МОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ЖИЗНЬ**

© Павлинова Н., 2023

© Борисова Д., фотография на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Вступление

Иногда несчастный случай становится помощником в осуществлении многолетней мечты.

Одной левой я писала свои первые рассказы. Да-да! В прямом смысле. Моя правая рука была сломана после попытки сделать очередной пируэт на катке. «Ну, раз фигуристка из меня не вышла, стану-ка я писателем», – подумала я, хотя го-

ловой об лед точно не ударялась. И ничего, что работает одна левая рука, – она вполне себе попадала по клавишам. Зато мыслей, хоть и путаных, рассеянных, в голове была масса.

А еще появилась уйма свободного времени. Раньше его отсутствие было главной причиной, почему я не могла заняться тем, чем заняться давно мечтала.

Я не просто так окончила филологический факультет – книги всегда были моей страстью. Впрочем, думаю, как и вашей, дорогие читатели. Моя основная работа тоже с ними связана, я – библиотекарь.

Когда случился перелом, я почти на два месяца выпала из своей очень активной жизни. Занималась сочинением рассказов я, конечно, и раньше, но, скорее, для рабочих нужд или просто для себя.

А в этот период я создала блог и потихоньку начала рассказы публиковать. Если честно, такого роста читателей на канале, таких отзывов о моем творчестве я вообще не ожидала. Просто любила и до сих пор люблю сам процесс работы. Но аудитория выросла очень быстро.

Читатели давно рекомендовали издать рассказы, собрав их в книгу. Но мне казалось, что еще не время, еще не хватит сил и опыта. И когда поступило предложение от издательства АСТ, я была и рада, и взволнована. Казалось – трудно будет справиться. Но я решилась. И вот книга вышла на ваш суд.

Как охарактеризовать мои истории? Это нелегко. Главное для меня – коснуться струн души читателя. И чтобы серд-

це, как камертон, отозвалось, пробудило калейдоскоп личных воспоминаний и ощущений.

Казалось бы – рассказы, написанные мной, такие разные. Об одних читатели пишут: «Я разревелась прямо сидя на работе», о других: «Так смеялась ночью, что разбудила мужа».

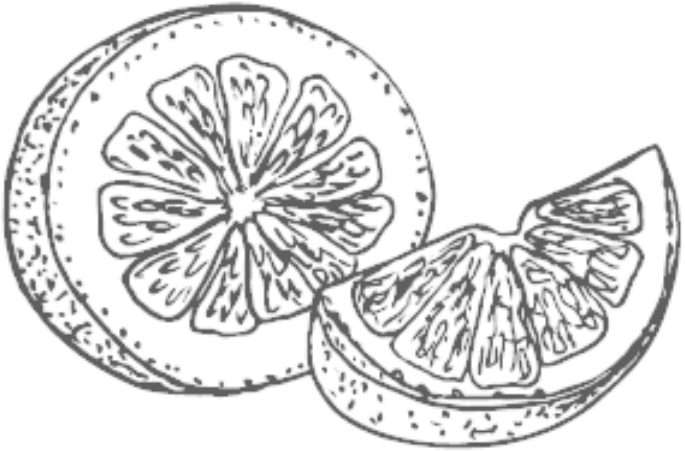
Но есть у них и общее: все они о нас с вами, все они о хороших людях и о том, что добра в мире намного больше, чем зла. Мои рассказы – о всеобъемлющей, живущей в наших сердцах любви, которая и есть самый великий стержень жизни.

Очень верю в то, что мое творчество оставит след в ваших душах, принесет радость и волнение. А лучше даже, если подскажет честные жизненные пути. Я ох как надеюсь на это!

Иначе – зачем писать?..

Горечь удалить

В супермаркете на кассе Николай пристроился за нерасторопной старушкой. Забежал на секунду, его уже ждала любимая Ксюха. Он взял бутылочку вкусного вина, шоколад и два крупных грейпфрута.

Мужчина спешил, а у этих старушек, видимо, времени – вагон. Бабушка перед ним очень медленно рассчитывалась за свои скромные покупки, рылась в кошельке, задавала пустые банальные вопросы кассирше.

Собирая продукты в авоську, рассыпала лук. Николай по-

мог все собрать.

– А что это у вас такое? – спросила старушка, глядя на грейпфруты в корзине Николая.

– Это грейпфрут, бабушка, типа апельсина, только больше. – У Николая не было особого желания болтать, скорей бы рассчитаться – и к Ксюхе.

– Ну да, больше. Никогда не пробовала.

Она, наконец, отправилась к выходу. Заплатив, Николай вышел из магазина, сел в машину, завел мотор. И тут опять увидел ее – старушку, обходившую автостоянку и ни разу не пробовавшую грейпфрут. Ох ты, Господи!

Николай заглушил машину, достал из пакета фрукт и отправился к бабушке. Что за порыв вдруг? Николай и сам себе удивился.

– Бабушка, вот, возьмите, – и он сам положил ей в торчащий край авоськи грейпфрут. – Смотрите, попку ножиком отрежьте, там шкура толстая, а потом на дольки. Только мякоть кушайте, из дольки вынимайте ее, потому что горчит иначе. Горечь надо удалить.

– Да что ты, милый! Не надо бы... – но эти слова старушка говорила уже вслед проявившему неожиданную щедрость молодому человеку.

Николай быстро развернулся и ушел. А потом еще минуты три думал, что есть же у нас вот такие старушки, которые не могут позволить себе даже взглянуть в магазине на некоторые продукты. Удивительно для сегодняшних дней!

Но размышлял об этом он недолго. Закрутила встреча с любимой, суeta будней и грандиозные планы на выходные. В воскресенье должна была произойти долгожданная встреча со старыми друзьями-одноклассниками.

Николаю было под сорок. Он был давным-давно разведен. Женился по молодости, обжегся о материальные трудности, нахвтался тяжелого семейного быта досыта, наварлся на конфликты с молодой женой и всей ее семьей. Повторять этот опыт не хотел. Хоть детей у них не появилось, и то хорошо.

Вырос Николай в простой семье, помогать ему было некому. И когда тесть в пылу ссоры назвал его нищeбродом, было очень больно.

Мать Николая жила в поселке, а с нею и его старшая, тоже разведенная, сестра с двумя детьми, его племянниками. Сестра работала учителем, мать – пенсионерка. Им самим бы кто помог! Но женщины не жаловались, справлялись.

Николай навещал родню редко. Он впрягся в работу с головой – лишь бы вырваться из безденежья!

«А что, тесть не прав?» – размышлял потом Николай. Прав! У него, действительно, ничего нет.

После трудностей неудачной семейной жизни Коля решил: пока на ноги не встанет, о семье думать – не сметь! Долго копил на квартиру, отдавал кредит, менял работы. Сейчас устроился в серьезную компанию по установке дверей, и не просто рабочим – Коля являлся одним из ее руководителей.

Уже все утряслось – есть и жилье, и авто, приличные накопления на счетах – но какой-то страх перед браком все равно остался, горчинка такая. Никак Николай не мог насладиться свободной жизнью и тратами, не мог решиться на семью. У друзей уже повыврастали дети, а он все еще выбирал невесту и копил на счастливую жизнь.

Воскресную встречу ждал давно. Матвей – друг детства, не виделись лет сто. Глеб приедет из Москвы специально, а с Иваном, хоть он и живет здесь же, они встречаются редко – у того трое детей.

Дружба дружбой, но все равно хотелось показать и свой материальный достаток. Время сейчас такое, успешность жизни определяется именно им.

И потому Николай перед встречей заехал в салон и приобрел себе чуть ли не самую новую модель телефона.

Они с друзьями встретились в кафе. Засиделись до утра, из-за выпитого потеряли счет времени. Сначала не спеша, несколько вальяжно, перебирали свои достижения, потом жаловались на проблемы, пели песни, клеились к корпоративной компании женщин. И наконец, когда уже начали падать со стульев, засобирались домой. Как это часто бывает при подобных встречах старых друзей – слегка перебрали. Вернее, не слегка.

Николай еще помнил, как он Глеба и Ваньку грузил в такси, как клялся жене Матвея, приехавшей за мужем, что они «и выпили-то совсем немного», и что Матвей – его друг до

доски гробовой. Так проникся этой клятвой, что даже плакал и бил себя кулаком в грудь.

А больше Коля ничего не помнил. Проснулся на автобусной остановке, рядом со скамьей, лежащим на земле. На дворе – ноябрь, слякотно. Мужчина помнил, что кто-то его толкал и, наверное, пинал. Болело все, мимо ходили прохожие, какие-то женщины спросили, не плохо ли ему, и не вызвать ли скорую. Коля что-то промычал в ответ, перебрался на скамью и опять уснул сидя.

Потом проснулся окончательно. Замерз. Люди ждали транспорт, выходили и заходили в автобусы.

Николай проверил карманы – пусто. И нигде нет шапки. А она была дорогая – мужская зимняя кепка на натуральном меху. В пальто должен лежать дорогой телефон, купленный только вчера, бумажник с документами, немалыми деньгами и карточками. Ни телефона, ни бумажника не было. Николай огляделся – но потеря не нашлась. Хотел узнать время – часов на руке тоже не оказалось.

Погуляли!

Коле было нехорошо. Он с трудом поднялся и, сделав пару шагов, почувствовал что-то в ботинке. Чуть не упав от головокружения, наклонился и достал из-под ноги связку ключей. Ну, хоть они на месте!

Николай направился к Ксюхе, благо она жила неподалеку. Но любимой дома не оказалось, и ему ничего не оставалось делать, кроме как брести домой. Поймать бы такси, но, как

назло, рядом машин не было.

С трудом поднявшись на свой четвертый этаж, Коля рухнул на кушетку в прихожей. «Вот идиот, – думал он. – Теперь и права, и паспорт надо будет восстанавливать! Часы не очень дорогие, а вот шапка, конечно, подороже». Больше всего он переживал за телефон и документы.

Потом добрался до кухни – хотелось пить. После пары стаканов стало полегче, и он улегся на диван.

Теперь можно было и подумать. Стоп! Николай резко сел, и острая головная боль заставила застонать.

Он вспомнил, что не поставил на новый телефон блокировку. А в бумажнике лежит листок, на котором четко написан код: «Сбербанк – ...» Коля недавно его сменил, боялся забыть. Это значит, что любой, кто овладеет его телефоном и карточкой, может зайти в Сбербанк и снять всю наличность, которую Николай копил годами!

– О-о-о, блин! – Он схватился за голову.

Теперь уже потеря документов, телефона, шапки и прочего казалась не такой значительной. Могли исчезнуть все накопления!

Надо было срочно заблокировать карточку! Но как, если под рукой нет телефона? Возможно, уже поздно. Сколько он провалялся на остановке? Все его сбережения давным-давно кто-нибудь снял! А на счету накопилась ох какая приличная сумма! На жизнь будущую – семейную. Все – коту под хвост...

Николай нацепил шлепки и вышел на лестничную площадку, постучался к соседям. Безрезультатно – тех не оказалось дома. Но Коле нужно было срочно позвонить в банк!..

Ближе всех жил Матвей, через дом. Коля начал натягивать ботинки, и тут что-то хрустнуло в носке. Он засунул туда руку и достал свернутый в несколько раз магазинный чек. На обратной стороне было написано: «Ваш телефон и бумажник у меня, ул. Северная, д. 8, кв. 17».

Николай не сразу даже сообразил, что это – спасение. Он отложил бумажку и еще несколько секунд продолжал собираться к другу, пока не понял – идти-то надо на Северную. Эта улица тоже была недалеко. Конечно, под окном стояла его машина, на связке имелись и ключи от нее, но Николая еще качало, права были утеряны, так что он отправился пешком.

Дверь подъезда оказалась с кодом, поэтому пришлось ждать, пока кто-нибудь из нее выйдет.

– А вы к кому? – спросила женщина, сморщившись от исходящего от Николая «аромата».

– Я в семнадцатую!

Женщина подозрительно посмотрела на него, но пропустила.

Дверь семнадцатой была обита старым выцветшим дерматином. Николай постучал по косяку. Открыли:

– Ой, ну слава Богу, очухался. А я тебя будила-будила! Все утро жду. И записку, значит, нашел?

– Нашел. Так это вы написали? – Николай переступил через порог.

– Сейчас. – Старушка, завернутая не то в одеяло, не то в шаль, углубилась в недра квартиры, а Николай прислонился к косяку. Ноги еще плохо держали.

Бабуля вынесла телефон и бумажник. Николай сразу заглянул внутрь кошелька: все на месте. Проверил счета – порядок.

А старушка рассказывала, как оправдывалась:

– Я рано встаю и, пока народу поменьше, прогуливаюсь. Хорошо, когда спят все. Машин нет, да и ветра тоже. Смотрю – а на остановке-то лежит кто-то. Поняла уж, что живой, выпимши сильно. Будила-будила, да где там! – Старушка махнула рукой. – Еще и какие-то рядом болтались, позже уж появились, не понравились они мне, думаю – обворуют ведь парня, и прикинулась, что вы мой сын. Говорю: «Вставай, Миш, вставай». Да разве вас добудисься! – Бабуля перешла на вы. – Вот и села рядом, а сама на них кошусь, потихоньку бумажник и телефон забрала и записку вам в носок засунула. И ключи туда же пихнула.

– А шапку вы мою не забирали? И часы.

– Не-ет, вы замерзли бы, – разволновалась старушка. – В шапке вы были, точно в шапке. Не брала я. А часы вот вообще не видела.

Бабушка затревожилась. Вдруг на нее повесят кражу! Незря же говорят: не делай добра, не получишь зла.

Николай тревогу старушки почувствовал.

– Что вы, бабушка, я не обвиняю. Видно, шапка с часами «ноги сделали», ну и ладно. Вы так меня выручили! Я уже не знал, куда бежать: и документы надо восстанавливать, и деньги могли бы уплыть со счета! – Николай с облегчением вздохнул и от того, что проблема, так неожиданно свалившаяся на него, разрешилась, весь как-то обмяк и, съехав по косяку, присел на пол.

– Да что ж ты! Давай-ка вот присядь. Не отошел еще, видать! Сейчас я тебе рассольчику капустного налью.

Николай вошел на кухню и присел на маленький табурет. И тут увидел на подоконнике аккуратно порезанные шкурки от грейпфрута. Стоя в темной прихожей, Николай даже не узнал в закутанной шалью старушке ту самую бабушку из магазина.

Он выпил рассол и, уже хитро улыбаясь, спросил:

– Как вам грейпфрут? Распробовали?

– Да горький. Угостили вот меня хорошие люди, а я думаю – за что его так любят? Горчит больно. Уж лучше яблочек себе с пенсии возьму.

И тут бабуля увидела хитринку в глазах Николая, догадалась, взялась за сердце и выдохнула:

– Так это ты че ли там, у магазина? Ну, вот те и на! Скажите, люди хорошие!

Они познакомились. Николай еще немного посидел, выслушал рассказ о том, как Зинаида Юрьевна позвонила со-

сидке по подъезду, и как они вдвоем решили, что если хозяин не объявится, им нужно будет вместе в полицейский участок идти и под опись все сдавать...

– Я могу вас чем-нибудь отблагодарить?

– Нет, нет. Не надо ничего, – замахала руками бабушка. – Я ведь просто – от души. Жаль мне вас, молодых!

Николай взял ее номер телефона. Он уже понимал, что вернется. Сейчас стыдно почему-то было оставлять бабушке денег. Но, открывая хлипкую дверь, он окинул ее профессиональным взглядом и сказал:

– Зинаида Юрьевна, мы еще увидимся.

* * *

Через три дня к дому Зинаиды Юрьевны подкатил автомобиль с надписью «Двери вашей мечты». Николай набрал номер бабушки, и, когда она открыла подъезд, началась работа. Старые двери были безжалостно выломаны, а на их место встала новая – железная, теплая, с качественными замками. Всю отделку Николай завершал уже сам, возился до вечера. Он устал, но сейчас с плеч уходил какой-то груз – может, горечь прежних обид? Ему первый раз в жизни было ничуть не жалко денег.

К грейпфрутам Зинаида Юрьевна так и не пристрастилась, хоть Коля и научил ее правильно очищать горькие дольки. Но теперь мужчина регулярно завозил старушке яб-

локи, и часто в пакете с яблоками она обнаруживала хорошую колбаску или еще что.

– Вот хитрец! – досадовала она. Неудобно ведь! Но душой была рада.

– Добрый он, Коля-то, – говорила она соседке, а та каждый раз повторяла, что просто добро к добру тянется.

После этого случая у Коли тоже жизнь изменилась. Он сам это почувствовал. Исчезла обида на бывшего тестя, уже не хотелось никому ничего доказывать, и главное – с души упал какой-то камень. Николай чувствовал себя свободным.

И мать с сестрой вдруг заметили, что Николай им помогать начал деньгами. А раньше копил, да и вообще скуповат был. Теперь в гости стал чаще ездить, и непременно с коробкой грейпфрутов. Когда мать в первый раз, всплеснув руками, спросила, зачем столько, Коля ответил:

– А вдруг ты их не пробовала. Они вкусные, не горькие совсем, только есть надо уметь.

Вот и в жизни, как в грейпфруте, есть и сладость мякоти, и горечь пленки. Как ни крути, одно без другого существовать не может. Главное – научиться отделять.

Свекровь тебе – не мама

Они сидели, закутавшись в одеяло, на стареньком диванчике и пили чай с печеньем. В квартире стояла прохлада, и на плечи обоих были накинуты свитера.

Сегодня – выходной.

«Вот так бы и сидеть всю жизнь рядом с Витькой, – думала Аля. – Только так. Вдвоем – и никого-никого больше».

Аля и Витя еще не были женаты, оба заканчивали учебу. Аля – университет, Витя – военное училище. Летом намечалась свадьба.

– Когда к моим поедem? – вставил в разговор Витя, тем самым испортив Але настроение. – Нам сейчас свободное посещение объявят, можно отпроситься на недельку.

У Али тоже шло преддипломное время, и, в принципе, исчезни она на неделю – никто бы и не заметил. Но ехать не хотелось.

С родителями Виктора они еще не знакомились, а вот к маме Али уже съездили. И потому Витя имел полное право требовать знакомства и с его родителями перед свадьбой.

Но слово «свекровь» вызывало у Али бурный внутренний протест.

– Ты знаешь, я никогда не смогу назвать твою маму – мамой.

– Почему?

– Ну, потому что мама у меня одна – моя. И это – мой принцип.

Виталий не понимал, но и не спорил. Так – значит, так. Лишь бы любимая Алька была всегда рядом.

А у Альки были на такое странное поведение свои причины. Не личные, конечно, а семейные.

Бабушка, которая принимала самое непосредственное участие в ее воспитании, рассказывала ей о своей свекрови вот что.

Когда-то бабушка с севера «приехала замуж» в южно-русское селение. Следуя традициям, еще на свадьбе поклонилась в ноги родителям мужа и назвала их мамой и папой.

Видимо, приезжая невеста не очень семейству нравилась, планировали свою – местную. И свекровь начала невестку воспитывать.

Бабуля всю жизнь не могла простить одного: в пять утра, когда она, успокоившая беспокойное новорожденное дите, наконец-то засыпала, свекровь ее будила. Надо было собирать мужчин на работу. Каждая – своего.

Свекровь ставила в печку котелок с картошкой только для своего мужа – для свекра, а сына должна была кормить его жена. Готовился еще один котелок. Вот и толклись они обе у маленькой печки. И если молодая невестка отвлекалась на ребенка, не успевая что-то состряпать, ее молодой муж уезжал на целый день без еды. Свекровь была жестока.

– Свекровь, – вздыхала, вспоминая, бабушка, – это тебе

не мама!

А мама Али и того пуще – виновницей развода с папой считала именно свою свекровь, которую тоже когда-то звала мамой. Папа был мягкий, и разорваться между требовательной матерью и женой так и не смог.

Мама пыталась спасти семью, но в ее адрес пошли такие оскорбления от свекрови!.. Пришлось расстаться. Мама растила Алю и ее младшего брата Андрюху одна.

«Хорошо, что Витька военный, и рядом со свекровью мы жить не будем!» – размышляла Аля. Но знакомиться и общаться, увы, придется. Хотя изначально уже настрой отрицательный.

Через некоторое время молодая пара ехала в далекие родные места Виктора – сначала на поезде, а потом на автобусе.

Дом Виктора находился в поселке под Воронежем. Места необычайно красивые, но Аля что-то волновалась, и все попытки жениха показать ей весенние картины и отвлечь ее от мыслей о предстоящей встрече были безуспешными.

Отец Вити встретил их на автобусной остановке. Он так крепко обнял Алю, что та от неожиданности даже растерялась.

Зашли в дом.

– Мать, встречай детей, – крикнул будущий свекор.

Из глубины дома выплыла полноватая женщина в фартуке поверх нарядной кофты. Она улыбалась и тоже подошла и крепко обняла Алю:

– Ну, здравствуй, дочка. Здравствуй, Альбина! Заходите, что стоять? Стол уж накрыт.

Видимо, традиция у них такая – все обнимаются. Але обниматься с плохо знакомыми людьми не хотелось, а еще имя Альбина она не любила, хоть и была таковой по паспорту. Ну да ладно. Стол, ожидавший их, сразу помог Але забыть все претензии. Но внутренний зажим остался.

Гостить они собирались всего пару дней.

Эти дни пролетели очень быстро. Гулять они особо не ходили – весенняя распутица. Только один раз навестили молодую семью сестры Виктора. Но у сестры только появился младенец, и долго засиживаться было неловко.

Отец Виктора показывал Але свои деревянные поделки – он увлекался резьбой по дереву. Сходили в баньку.

С Марией Федоровной, будущей свекровью, больше говорили о Викторе. Каким он был, как учился, как потерялся однажды в городе. В общем, тема Виктора была интересна обеим. Рассказывая, Мария Федоровна крутилась по кухне и хлопотала по хозяйству. Аля предлагала помощь, но будущая свекровь только отвечала:

– Сиди-сиди, ты в гостях, успеешь еще в семейной жизни набегаться.

Летом в городе сыграли свадьбу. Родителей молодого мужа мамой и папой Аля так и не назвала. Ее устраивало обращаться к ним и по имени-отчеству. А вот Виктор легко Алину мать стал называть мамой. Але показалось, что свекровь

слегка обиделась, но виду не подала.

Для молодых начиналась новая самостоятельная жизнь.

Чего Аля ожидала от медового месяца с молодым офицером? Да, романтики. Но не такой, это точно.

Их распределили в Забайкальский военный округ. Аля к тому времени уже ждала первенца.

Там, в военном поселке, их сначала поселили в железный вагончик, стоящий прямо на территории части рядом с казармами. Алька взялась за его благоустройство с боевым настроением.

С трудом выбралась в ближайший райцентр, приобрела обои и кое-какую утварь. В вагончике все еще было очень тесно, но зато стало вполне себе уютно.

Но... пришла осень. Вагончик не отапливался. Они грели какую-то электропечку, которую притащил со склада Виктор, но и она не спасала... Обои поползли из-за сырости стен.

Их переселили в отапливаемый общей печью барак. Комнатка маленькая, но теплая. Кухня общая, большая. Удобства на улице, вода с колодца. Туда после тяжелых родов выросшая в городских условиях Аля и привезла сынишку Дениса.

И тут абсолютно неожиданно Виктора отправили в командировку. Надолго – в горячую точку.

Он уехал, а Аля, еще не оклемавшаяся после родов, осталась одна с малышом на руках, еще и практически без связи

с мужем. Хорошо хоть какие-то деньги из его зарплаты можно было получить в бухгалтерии воинской части.

Алька стеснялась обращаться за помощью, она от рождения была упряма. Ей казалось, что она справится со всеми трудностями сама.

Начался март. Дверь барака постоянно заносили снегопады. Командование отправляло на расчистку снега солдат, но не регулярно. Чтобы сходить за водой или продуктами, надо было отгрести сугробы самой.

И ходить по заснеженным дорогам было нелегко, и ведра с ледяной водой для Али были слишком тяжелы... Но даже не это стало главной проблемой. Появились крысы. Их не было в комнате, но на кухне, в которой временно оказалась только Аля, они носились толпами.

Алька, у которой уже пропадало молоко, решительно выходила на кухню и с криками:

– Ой!.. Ай! Мамочка! – варила Дениске кашу.

А потом бежала в комнату и закрывалась там. Сидела на кровати и ревела, доедая то, что не съел сын.

Потом брала себя в руки. Она была уверена, что преодолет и эти трудности.

Але нездоровилось. Дениске тоже. Что-то не шла сыну смесь, которую привозили ей из райцентра, а с молоком вообще была беда. Аля начала осознавать – она не справляется. Уже не было сил и желания готовить себе, навалился депресняк. Даже Дениска ее порой раздражал.

Аля написала Виктору, просила, чтоб он перевез ее домой к матери. Но его все никак не отпускали со службы. А одной с грудником в такое далекое путешествие пускаться было страшно.

Мама Али приехать и помочь не могла. У нее был сын-школьник, Алин брат, и, конечно, работа. Виктор нашел выход – позвонил своим родителям.

Однажды рано утром, когда Алька лежала в постели, вся красная и с высокой температурой, она услышала хруст снега за порогом. Кто-то расчищал дверь.

«Надо же! Нашлись, наконец, помощники», – подумала Аля.

Вставать и благодарить не было сил, она не спала ночью: Дениска маялся животиком, нормальные смеси так и не подвезли. Кормила уже и манкой, и молоком...

В дверь постучали.

Аля приплелась ко входу и на пороге увидела... Марию Федоровну.

– Ну, здравствуй, дочка! Вот я вас и нашла!

А найти их было не так-то просто. Свекровь искала невестку с внуком несколько часов, даже дошла до командования части.

Мария, хоть и только вернулась с долгой тяжелой дороги, наметанным взглядом сельского жителя (и просто мудрой женщины) сразу оценила обстановку.

Она крепко обняла невестку, потом потрогала ее лоб и ку-

да-то удалилась. Алька плохо соображала, температура подскочила.

Через пару часов Аля уже лежала в госпитале – мастит. Денис остался с бабушкой.

Прошла неделя, Алю подлечили и привезли домой, в барак. Девушка его не узнала. Тут был новый бак, наполненный водой, новая электропечка, чистота и уют, большие запасы продуктов, и главное – хорошие смеси для Дениски.

На кухне исчезли крысы, свекровь их извела. А Дениска лежал, весь румян от тепла печки, завернут в белоснежные пеленки и спокоен.

Утром сквозь сон Алька слышала, как свекровь сходила за водой, как забрала от ее постели хныкающего малыша и унесла на кухню...

А когда, часов в десять, Алька проснулась окончательно, ее ждали теплые закутанные в полотенце и шерстяную кофту сырники, улыбающийся сын и довольная, слегка усталая свекровь. Она доваривала борщ.

– Мария Федоровна, как же хорошо-то! – подсаживаясь к сырникам, сказала Алька. – Как же хорошо нам с вами! Идите – поспите, я доварю.

Только к лету приехал Виктор. А всю весну Мария Федоровна с Алей и Дениской жили втроем.

Они много беседовали. Аля слушала рассказы свекрови о ее нелегкой жизни затаив дыхание.

Они спали на одной кровати. По очереди заботились о Де-

ниске, посадили небольшой огород возле барака. Когда стало потеплее, выезжали на закупки в военторг, а потом гуляли в парке.

Обе они, конечно, переживали за Виктора и очень ждали его возвращения.

И Аля не представляла себя уже без этой женщины. С ней было тепло и уютно, с ней было легко и надежно. Свекровь знала все. Любая бытовая проблема с ней оказывалась решаемая.

– Смотрите, ох! У нас угол течет. Дожди проклятые! – переживала Алька.

А свекровь, оценив обстановку, говорила:

– Не ругай дожди, Алечка. Они землю поят, огород наш поливают. А рубероид и клей я завтра куплю. Подтекает там вот... Ну, я знаю, где.

И все быстро вставало на свои места.

– Ох! Дайте, я вас обниму, – восклицала Алька, прижимая к себе теплую, уютную женщину.

Свекровь уговорила Алю и настроила ее на посещение общественной бани. Раньше Алька стеснялась туда ходить. Грела дома кастрюли и обмывалась над тазиком. Теперь каждый банный день они дружно парились, а Дениска спал под присмотром банщицы.

Мария Федоровна находила общий язык со всеми, умела договориться, похвалить – и в конце концов ее зауважали и командиры, и соседки.

– Спи, спи, дочка! – шептала свекровь. Она поднималась очень рано.

– Спасибо тебе, мам! – сквозь сон отвечала Алька и улыбалась своим мыслям.

А мама-свекровь, держа Дениску на руках и тихо прикрывая дверь, улыбалась своим.

Нет, не ради титула «мамы» она здесь. Осталась бы и Марией Федоровной, и прекрасно. Вроде, и неважно все это. Но было так приятно, что пришлось смахнуть легкую слезу счастья.

А Алька не сразу уснула, лежала и думала: «Вот так мы в юности строим представления о будущем, а жизнь – она берет свое».

Не всегда стоит следовать своим принципам, и не все в нашей жизни можно измерять чужим опытом. Измерять надо сердцем.

– Спасибо, мама, милая, – прошептали губы, и Алька провалилась в сон.

Доехать до бабушки

Живот заболел на последней паре. Началась тошнота, и потемнело в глазах. Надо бы досидеть... Но боль усиливалась, и Ксюша уже перевалилась на один бок, прижимая пальцы к точке боли.

Подняла руку, вышла. Конечно, она ждала и в целом была готова *кэтим дням*, но вот про таблетки совсем забыла, и у подруги их тоже не оказалось.

Ну ладно, осталось досидеть эту пару, а там уже – автобус и вокзал. К бабушке на выходные. Поблизости от вокзала есть аптечный пункт. Купить таблетки, потом чуть больше часа на электричке, и Ксюша у бабушки. А уж бабушка... рядом с ней все пройдет.

Пара длилась необычайно долго. Ксюша вся извелась. Боль усиливалась. Но, наконец, муки прекратились, и девушка вышла из корпуса университета.

На улице было мерзко – снег вперемишку с дождем. Говорила же мама, надевай зимнюю куртку, так нет же, она вырядилась, пошла в легком! А тут – почти зима. Куртка короткая, джинсы тонкие... Ох, оказаться бы сейчас сразу – у бабушки!

На улице Ксюше стало немного лучше, боль рассосалась, затаилась – готовилась к новому штурму. Как назло, долго не приходил автобус. Ксюша промочила ноги, но это

еще полбеды; вернулась боль.

Новая атака, прямо схватки какие-то. Люди, прячась от дождя и снега, бежали по своим делам, иногда толкая застывшую от боли студентку. Хотелось быть...

Мест в автобусе не было. Темнело в глазах. Но молодой девушке стыдно просить уступить ей место, и Ксюша терпела.

Стало тревожно («А как там... все ли в порядке сзади?»), и Ксюша постаралась встать спиной к окну. По полу автобуса жутко дуло – окоченели ноги. Хотелось к бабушке.

Аптечный киоск на железнодорожном вокзале был закрыт. До электрички оставалось еще минут сорок. Ксюша упала на вокзальное сиденье, наклонилась вперед и с силой прижала сумку к животу. Так было легче терпеть. Девушка делала вид, что спит, а на самом деле считала до ста, переводя дыхание.

– Ноги подними! – услышала она.

В полупустом зале уборщица мыла пол.

– Я не могу!

– Че так?

– Живот болит.

– Может, скорую вызвать тебе? – Уборщица жалостливо посмотрела, все понимая. Женщина – женщину.

– Не-е-е, доеду...

В такой же позе, крепко сцепив зубы от боли, Ксюша ехала и в электричке.

Как дошла до бабушки, даже и не помнила.

Бабушка, увидев промокшую внучку, ее темные круги под глазами, лоб в напряженных морщинках, озноб – все поняла сразу.

– Бабуль, обезбол дай!

– Так. Садись, сейчас. Снимай все с себя. Ты промокла насквозь.

А дальше все пошло по тому идеальному сценарию, который могут для нас организовать только бабушки.

– До сих пор в синтетических колготках! Без носков! – причитая, суетилась старушка.

– Бабуль, за что нам, женщинам, это?!

– Ну, пока я замуж не вышла, тоже так мучилась, потом полегче стало, – успокаивала она.

И вот уже Ксюша сидит в колючих шерстяных носках, длинной футболке, в бабушкином фланелевом халате, завернутая в любимую темно-зеленую вязаную шаль.

– А таблетки? – прокричала Ксюша уже из ванной.

– Сначала ложки три горячей лапшички куриной съешь. Давай-давай, через «не хочу».

И вот бабушка кладет рядом с тарелкой лапши две долгожданные и такие необходимые таблетки, а потом наводит что-то лекарственно-кислое и горячее в стакан, процеживает отстоянную травку.

Лапша, лекарство и забота бабушки вскоре действовали: ушла боль, появилась испарина и расслабление. Даже

шаль стала лишней. А бабушка что-то там растирает бальзамом и брызгает Ксюше в рот...

Захотелось уснуть тут же – за кухонным столом. Ксюша прислонилась к спинке стула и закрыла глаза. Вот оно – счастье.

Но счастье не кончалось. Оно ждало ее в виде пушистой перины и мягких подушек. Ксюша так тяжело упала на кровать, как будто в ее теле было килограммов сто. А когда бабушка подоткнула одеяло со всех сторон, Ксюша даже не могла пошевелиться.

И перед самым сном подумала:

«Не хочу я замуж! Никто в жизни не сумеет так любить, как любят нас наши бабушки!»

Дорога домой

Антонина и Дмитрий возвращались в город. Они ездили смотреть дом, который собирались купить. Судьба их свела в том возрасте, когда дети уже выросли и даже подрастали внуки. Оба были одиноки, обоим хотелось своего пространства, собственного – но общего для них двоих – жилья.

В покупке именно этого дома Тоня еще сомневалась – уж очень далеко деревня находилась от города. Хотя здание добротное, и хозяин не завышал цену... Дорожные раздумья Тони прервал голос Дмитрия:

– Смотри, смотри! Опять эта собака.

Навстречу по правой стороне дороги действительно, прихрамывая, бежал пес. Тот самый, на которого они обратили внимание еще утром, обогнав его, когда ехали в деревню. Прошло часов шесть. Пес за это время пробежал десятки километров. Он был достаточно большой, грязный, серой масти, с висячими ушами и грустными глазами.

Дмитрий затормозил, вышел из машины и свистнул. Пес остановился и оглянулся, но с места не сдвинулся.

– Достань бутерброды, Тонь!

Антонина полезла в пакеты и выудила оттуда оставшиеся бутерброды, завернутые в фольгу. Дмитрий позвал собаку, поманил едой. Пес, немного подумав, двинулся навстречу. Благодарно посмотрел на Дмитрия и начал медленно есть.

Тоня с жалостью смотрела на собаку.

– Это куда ж он бежит весь день? Утром обогнали, и сейчас – вот...

– Не день, дольше. Посмотри, какой грязный. Наверное, давно идет.

– Слушай, а может, возьмем себе в дом? Там и конура есть, – предложила Тоня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.